В. Р. ВАВРИКЪ.

КАРПАТОРОССЫ

ВЪ КОРНИЛОВСКОМЪ ПОХОДѢ И ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ.

ЛЬВОВЪ, 1923.

ТИПОГРАФІЯ СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА

ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ А. И. ЯСЬКОВА.

Предисловіе.

Помѣщаемый здѣсь очеркъ исторіи „Карпаторусскаго Военнаго Добровольческаго Отряда“ на югѣ Россіи, составленный В. Р. Ваврикомъ, является цѣннымъ вкладомъ въ исторію освободительнаго движенія всего карпаторусскаго племени, доказывая лишній разъ, что карпатороссы всегда мыслили себя едиными со всѣмъ остальнымъ русскимъ народомъ. Очеркъ этотъ, какъ произведеніе современника, принимавшаго участіе во всѣхъ описываемыхъ имъ событіяхъ, конечно, даетъ въ извѣстной степени, быть можетъ, небезпристрастное освѣщеніе событій даннаго времени. Но это неизбѣжный недостатокъ, ибо каждый современникъ находится въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ всего происходящаго вокругъ него и обыкновенно при освѣщеніи современныхъ ему явленій становится на какую нибудь изъ существующихъ точекъ зрѣнія. Всестороннее и безпристрастное изображеніе нашихъ дней принадлежитъ грядущимъ за нами поколѣніямъ. Но и для насъ многое изъ того, что пережито нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сегодня кажется въ иномъ свѣтѣ. Даже нѣсколько лѣтъ отдѣляющихъ насъ отъ прошлаго позволяютъ намъ быть историкомъ этого прошлаго. Съ этой точки зрѣнія очеркъ В. Р. Ваврика, представляетъ систематически собранный матеріялъ, относящійся къ исторіи участія и отношенія карпатороссовъ, которые не могли остаться равнодушными наблюдателями событій русской освободительной войны, почему и становились на сторону тѣхъ, въ зародышѣ своемъ патріотическихъ попытокъ, цѣлью которыхъ было спасти Россію отъ тѣхъ проявленій и послѣдствій революціи, которыя создавались опредѣленно врагами русскаго народа на его гибель. Не становясь на сторону какой нибудь изъ русскихъ политическихъ партій, карпатороссы шли за тѣми, къ которымъ ихъ располагало здоровое

чувство націонализма. Естественно они не могли стать на сторону тѣхъ, которые въ жертву интернаціоналу отдавали все русское. Что въ данномъ случаѣ карпатороссовъ не обманулъ этотъ здравый національный инстинктъ, косвенно подтверждается хотя бы тѣмъ, что даже тѣ, которые въ 1917—1918 г. г. разложили русскую армію проповѣдями „мирнаго" интернаціонала, уже 1919—1920 году обращались къ офицерамъ и солдатамъ „бѣлыхъ армій" и вообще ко всѣмъ чинамъ бывшей русской арміи съ призывомъ защищать „матушку-Россію" не интернаціональную а національную. Кромѣ того исторія Карпаторусскаго боевого отряда, черезъ ряды коего прошло много лучшихъ представителей Прикарпатья, учитъ насъ тому, что въ народѣ нашемъ жива глубокая любовь къ Руси, любовь, которая заставляетъ приносить на алтарь самое дорогое — жизнь. Пусть примѣръ беззавѣтныхъ, сѣрыхъ героевъ, погибшихъ за дѣло освобожденія Родины — будетъ скромнымъ памятникомъ для потомковъ.

Очеркъ В. Р Вавоика есть въ значительной долѣ выполненый долгъ передъ павшими соратниками. Этотъ очеркъ кладетъ фундаментъ того нерукотворнаго памятника не только незамѣтнымъ павшимъ героямъ, но и всему дѣлу нашей борьбы за освобожденіе.

Д. Яблонскій.

Мы смѣло въ бой пойдемъ
За Русь святую,
И какъ одинъ прольемъ
Кровь молодую.

Пѣсня Добровольцевъ.

I. Карпато-русскій отрядъ.

Въ 1917 году стряслось надъ русской землей ужасное бѣдствіе. Въ кульминаційной точкѣ войны съ Германіей и Австріей, не исключая Турціи, внутри русскаго государства вспыхнула революція, вонзившая ножъ въ спину русской арміи, которая вслѣдствіе того принуждена была оставить добытые жертвами крови Карпаты. Съ отступающей арміей потянулись на востокъ длинныя вереницы подводъ и ряды пѣшихъ русскихъ галичанъ. Они какъ и въ 1915 году уходили съ русскими, чтобы спасти свою жизнь, ибо у нѣмцевъ и мадьяръ для нихъ не было пощады.

Революція разшатала устои, величіе и славу русской имперіи. Строительство новой, единой Руси начала Добровольческая армія во главѣ съ извѣстными патріотами — генералами Алексѣевымъ, Корниловымъ Марковымъ и Деникинымъ

Вѣря тогда въ возможность побѣды надъ большевиками, Совѣтъ Прикарпатской Руси въ Ростовѣ н/Д. счелъ необходимымъ

имѣть въ рядахъ Добровольческой арміи свой собственный отрядъ.

Формированіе Карпато-русскаго добровольческаго отряда принялъ на себя добровольно Григорій Семеновичъ Малецъ, совмѣсто съ Л. Ю Алексевичемъ, оба товарищи предсѣдателя „Русскаго Народнаго Совѣта Прикарпатской Руси", который достигъ соглашенія съ ген. Алексѣевымъ на нѣкоторыхъ условіяхъ, какъ:

1. Совѣтъ имѣетъ право выбрать себѣ командира для отряда.

2. Офицеры галичане сохранятъ чинъ, какой они имѣли въ рядахъ Австрійской арміи.

3. Добровольческая армія и затѣмъ русское правительство будутъ поддерживать Совѣтъ въ его стремленіяхъ.

4 Вольноопредѣляющіеся будутъ приниматься въ военныя училища на правахъ русскихъ подданныхъ.

5. Отрядъ будетъ подчиняться Командованію Добровольческой арміи и уставамъ, которыя обвязывали русскую армію до революціи.

Января 21-го дня 1918 года, организаторами выпущено было воззваніе къ землякамъ съ призывомъ записываться въ Карпаторусскій отрядъ. Одновременно на-скоро было созвано собраніе студентовъ въ помѣщеніи о-ва „Червоная Русь". Малецъ объяснилъ цѣль отряда, его значеніе въ случаѣ освобожденія Россіи отъ большевиковъ и первый записался въ добровольцы. Изъ студентовъ записались: Александръ Журавецкій, Александръ Канинъ, Александръ Пелехъ, Василій Колдра, и Василій Ваврикъ; изъ крестьянъ: Петръ Пыжъ, Андрей Хома, Влад. Сѣрантъ и Ив. Бубнякъ. Всего больше было гимназистовъ: Евгеній Гошовскій, Николай Діяковскій, Владиміръ Гнатикъ, Ѳеодосій Демковъ, Иванъ Загайко, Евстахій Ивановичъ, Миронъ Ковалишинъ, Василій Колодѣй, Ѳеодоръ Купецкій, Ромуальдъ Лопускій, Ярославъ Мацанъ, Иванъ Мацелюхъ, Осипъ Моцко, Николай Лѣщишинъ, Левъ Пелехъ, Романъ Лагола, Зиновій Процыкъ, Владиміръ Охничъ, Степанъ Химичъ, Игорь Филипчакъ, Семенъ Худоба, Григорій Фитіо, Иванъ Сушкевичъ, Левъ Цымбалистый, Владим. Сойка, Григорій Якимецъ. Кромѣ того въ отрядъ пришли еще Туркестанскаго полка прапорщикъ Богданъ Яцевъ и офицеръ Австрійской службы Николай Воловчукъ и студентъ Григорій Цыбикъ.

Такъ какъ послѣ 21-го января 1918 г. большевики начали врываться уже въ Донскую область, а 9-е февраля Корниловъ съ Добровольцами долженъ былъ оставить Ростовъ н/Д., то наборъ Добровольцевъ для Карпаторусскаго отряда могъ ограничиться только на среду галицкихъ бѣженцевъ, пребывавшихъ въ Ростовѣ. Тѣмъ и объясняется, что въ Добровольческую армію поступило всего пока 41 человѣкъ, а кромѣ этого многіе

не будучи въ состояніи оставить на произволъ судьбы свои безпомощныя семьи, дабы большевики не выместили на нихъ своей злобы, были принуждены отказаться отъ поступленія въ Добровольческую армію. Вслѣдствіе небольшого количества галицкихъ добровольцевъ они не могли во время составить самостоятельной боевой и хозяйственной единицы, а пришлось войти въ соглашеніе съ начавшимъ было нѣсколько раньше формироваться съ чехо-словацкимъ инжинернымъ полкомъ, въ составъ котораго Карпаторусскій отрядъ съ оговоркой нѣкоторыхъ условій вошелъ отдѣльной ротой. Чеховъ въ этомъ полку насчитывалось около 100 человѣкъ.

Такъ за Корнилова, за Родину, за вѣру
Мы грянемъ громкое ура!

Пѣсня Добровольцевъ.

II. Первые бои.

Февраля 9-го дня Корниловская армія была принуждена оставить гор. Ростовъ н/Д. Этотъ злосчастный день, одинъ изъ печальнѣйшихъ въ исторіи Добровольцевъ. Вся лучшая, сознательная Русь, вытѣсненная изъ главныхъ городовъ Россіи, какъ Москва, Кіевъ, Петроградъ, и нашедшая свое прибѣжище при Корниловѣ, очутилась за стѣнами Новочеркасска и Ростова въ степи, среди снѣговъ, холодныхъ вѣтровъ и morozовъ. Части, веденныя Корниловымъ, отступили съ боемъ въ ночной темнотѣ. На станціи Зарѣчной сбились въ кучу всѣ роды оружія Ген. Марковъ сказалъ къ отступающимъ слѣдующія памятныя слова: „За вами — городъ, постель, жизнь, — передъ вами — степь, походъ, смерть. Кто куда желаетъ — свободная дорога". Добровольцы избрали вторую, крестную дорогу и въ молчаніи потянулись вдоль тихаго Дона. Добровольцы-галичане до послѣдняго момента охраняли мостъ на Дону и защищали отъ большевиковъ обходъ отряда по льду, послѣ чего всѣ ушли съ Корниловымъ.

Одолѣвъ 18-ти верстное разстояніе, въ снѣгахъ по колѣни, Корниловъ съ отрядомъ вошелъ въ Ольгинскую, станицу Донскихъ козаковъ. Три дня понадобилось для того, чтобы отдохнуть, собрать лазареты, привести въ порядокъ изтерзавшіяся въ бояхъ части.

На другой день, когда немного высушились обмотки, сапоги и одежда, Г. С Малецъ собралъ всѣхъ Галичанъ за станицей у мельницы и предложилъ избрать комитетъ, долженствующій вѣдать дѣлами отряда, чтобы имѣть отвѣтственныхъ лицъ за тѣхъ, которые пошли въ походъ. Избранными оказались Г. С. Малецъ предсѣдателемъ, В. А. Колдра его помощникомъ, В. Р. Ваврикъ секретаремъ, а Охничъ и Хома

членами. Сейчасъ-же было постановлено отправить нѣсколько человѣкъ для вербовки карпатороссовъ, проживающихъ въ станицахъ и городахъ. Колд а, Коведанъ и Цымбалистый уѣхали окольнымъ путемъ, черезъ Ростовъ и Харьковъ, въ Москву, Охничъ отправился въ станицы.

Сдѣлавъ смотръ, ген. Корниловъ оставилъ станицу Ольгинскую и началъ рядъ неустанныхъ боевъ среди ужасныхъ страданій, скитаній и поисковъ за Русью, т. е. за пріобрѣтеніемъ уголка, гдѣ можно бы было выдвинуть русское знамя и найти опору для дальнѣйшаго дѣйствія. Оказалось, что такого уголка уже не было. Большевики залили всю Россію. Ген. Корниловъ съ лазаретами, женщинами, дѣтьми и гражданскими чинами находился въ сжатомъ кольцѣ и постоянно, безъ отдыха, ему приходилось обороняться со всѣхъ сторонъ и очищать Добровольцамъ путь выхода ожесточеннымъ боемъ.

Вслѣдствіе того, что ген. Корниловъ всегда пробивался успѣшно, духъ въ его арміи росъ съ каждымъ днемъ. Куда онъ только не появился, мгновенно всѣ замирали отъ умиленія а затѣмъ отъ восторга выливали свои чувства въ громкую пѣсню въ самомъ тяжеломъ и безвыходномъ положеніи. „Бѣлый крестикъ на груди, то Корниловъ впереди" — была любимая пѣснь Добровольцевъ.

Почему едва 2.000 Добровольческая армія побѣждала несмѣтныя полчища большевиковъ? Потому, что въ ней отъ перваго до послѣдняго солдата была вѣра въ святое дѣло и побѣду. Ген. Корниловъ ѣхалъ впереди, ген. Марковъ бросался первымъ въ рукопашный бой и никакая сила не могла остановить тѣхъ, которые шли за ними. У всѣхъ было только одно желаніе: спасти Россію, а выразителемъ того желанія и всѣхъ чаяній былъ ген. Корниловъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненный и воинъ безъ страха и сомнѣнія. Подходя къ рѣкѣ, онъ сразу бросался въ ея холодныя волны и офицеры тогда не задумывались. На полѣ сраженія онъ былъ превосходнымъ стратегомъ. Осмотрѣвъ поле, онъ вдругъ рѣшалъ, что дѣлать или куда итти. Его присутствіе устраняло всякое сомнѣніе, страхъ, отчаяніе и вселяло духъ бодрости въ сердца изнывающихъ въ неравномъ бою.

Замѣчательный былъ человѣкъ Корниловъ!

Послѣ снѣга и мороза пошелъ дождь и въ станицахъ раскисла непроходимая грязь. Отступивъ съ боемъ отъ Хомутовской, армія застряла, въ полномъ смыслѣ этого слова, въ грязи станицы Мечетинской. Опять понадобились два дня, чтобы собрать нечеловѣческія усилія для предстоящаго похода. Отдыхъ былъ обыкновенно такой: часть войскъ сушила необходимыя вещи, а другая стояла на заставахъ.

За станицей Егорлыцкой, на границѣ Донской области и Ставропольской губерніи, на рѣчкѣ Егорлыкѣ, произошелъ

первый крупный бой. Большое селеніе Лежанка была взята Корниловымъ послѣ двухчасового сраженія. Когда Марковцы переплыли рѣку и заняли село съ правой стороны, галичане съ чехами пройдя мостъ вошли въ самую середину села. Ген. Корниловъ вошелъ почти въ пустую Лежанку. Это было 21-го февраля, когда съ юга подулъ первый теплый, точно весенній вѣтерокъ. Какая-то новая надежда на спасеніе Руси воспрянула въ сердцахъ Корниловцевъ, смотрѣвшихъ на своего вождя не иначе, какъ на сказочнаго богатыря.

Двѣ станицы Кубанской области, Незамаевская и Плосская, были взяты безъ боя; всѣ прочія до самаго Екатеринодара были добыты штыками Добровольцевъ. Большевики старались за всякую цѣну разбить Корнилова и насѣдали на его маленькую армію, какъ свора собакъ на матерого волка. Бывало такъ, что арьергардъ арміи не успѣлъ еще отвязаться отъ насѣдающаго противника а передовыя части принуждены были пролагать путь остальнымъ частямъ штыками подъ градомъ вражескихъ пуль и снарядовъ, сыпавшихся со всѣхъ сторонъ на Добровольцевъ.

Для лучшаго изображенія Корниловскаго похода пусть послужатъ даты сраженій: 27-го февраля съ боемъ была взята станица Новолеушковская; подъ вечеръ того-же дня пала станица Славянская; 1-го марта была занята станица Березанская, 4-го марта Кореневская, 6-го Усть-Лабинская, 8-го Некрасовская. Девятаго марта закипѣлъ ожесточенный бой у Филипповскаго хутора.

Горы, вершины
Я васъ вижу вновь;
Кавказа равнины —
Кладбище бойцовъ!

Салдатская пѣсня.

III. Бой при селеніи Филипповскомъ.

Во II-омъ томѣ „Очерков Русской смуты“, изложенныхъ ген. Деникинымъ, цѣлая XXII глава посвящена походу въ Закубанье, гдѣ много вниманія удѣлено бою при Филипповскомъ. На 264-ой страницѣ находится слѣдующее описаніе этаго сраженія: „Едва только за Корниловскимъ полкомъ успѣли пройти партизаны и чехо-словаки, развернувшись вправо и влѣво отъ Корниловцевъ, какъ большевики вновь широкимъ фронтомъ перешли въ рѣшительное наступленіе на наши линіи.. И, тѣмъ не менѣе, нашъ несчастный обозъ вынужденъ былъ переходить рѣку и идти именно туда, навстрѣчу, подъ склонъ высотъ, на гребнѣ которыхъ вотъ-вотъ могъ появиться прорывающійся противникъ. Ибо съ сѣвера на Филипповское давили уже наши

вчерашніе враги, ихъ батерея обстрѣливала село и переправу, и Боровскій съ юнкерами, оставленный въ арьергардѣ, съ трудомъ сдерживалъ ихъ напоръ.

А переправа по одному мосту протекаетъ убійственно долго. Удержатъ ли гребень?

Уже начинаютъ отходить чехо-словаки, разстрѣлявъ всѣ свои патроны; отдѣльныя ихъ фигуры стали спускаться съ высотъ. Къ нимъ поскакалъ конвой Корнилова. Тамъ — замѣшательство. Командиръ баталіона капитанъ Нѣмечекъ легъ на землю, машеть неистово руками и прерывающимся голосомъ кричитъ:

— Дале йсемъ немохль уступоватъ. Я зустану зде доцеля самъ*). —

Возлѣ него въ нерѣшительности мнутся чехо-словаки, нѣкоторые остановились и залегли..."

Я нарочно привожу длинный цитатъ, ибо изъ него можно себѣ уяснить, что „чехо-словаки" въ самомъ дѣлѣ въ бою при Филипповскомъ сыграли большую роль. Справедливость однако требуетъ представить сказанное ген. Деникинымъ на пересмотръ исторіи, ибо то, что онъ приписываетъ вообще „чехо-словакамъ", сдѣлала Карпаторусская рота, а лавры пожали одни чехо-словаки, хотя въ бою не потеряли ни одного своего земляка. Никто изъ нихъ не былъ даже раненъ. Правда, Нѣмечекъ самъ отличался храбростью, но чехи-солдаты вовсе не проявляли доблести своего командира. О скромныхъ галичанахъ, самоотверженно исполнявшихъ свой долгъ передъ Родиной, мало кто зналъ не только въ арміи, но даже въ штабѣ, потому что они не составляли самостоятельной боевой единицы, а сражались подъ знаменемъ чехо-словаковъ, къ которымъ были присоедены по поводу недостаточнаго количества бойцовъ. И такимъ образомъ лавры, добытые Карпатороссами достались не справедливо однимъ чехо-словакамъ.

Бой у Филипповскаго врѣзался въ память галичанъ-Добровольцевъ, оставшихся еще въ живыхъ: они могли бы разсказать, въ какой обстановкѣ протекалъ бой, продолжавшійся съ ранняго утра до поздняго вечера. Съ ночи Филипповское окружили тѣснымъ кольцомъ большевики, расположившіеся вокругъ на холмахъ въ хорошо приготовленныхъ окопахъ. Нужно было сверчеловѣческихъ усилій, чтобы выйти заживо изъ этой западни: перейти рѣку Бѣлую, взять возвышенности съ большевикскими укрѣпленіями и одновременно отбивать въ тылу и по сторонамъ атаки непріятеля. Критическое положеніе сознавалъ самый недалекій салдатъ. Ген. Корниловъ съ разсвѣтомъ повелъ наступленіе въ лобъ большевикамъ. Станувъ на единственной кладкѣ, (мосты были взорваны) Кор-

*) Дальше я не могъ уступать. Я останусь здѣсь совершенно одинъ.

нилов пропустилъ лучшую свою часть, Корниловскій полкъ не болѣе 100 человѣкъ за рѣку и велѣлъ имъ занять возвышенности. Большевикскіе пулеметчики сосредоточили свой огонь на кладку, но не смотря на то Корниловъ не оставилъ мѣста, пока не прошли чехо-словаки вмѣстѣ съ галичанами. Холмы были взяты Корниловцами, но позади нихъ, на ровной степи, разгорѣлся опять кровопролитный бой, продолжавшійся на одномъ и томъ же мѣстѣ около 8-ми часовъ. На поле подъѣхали подводы съ ранеными, ибо рѣку сзади перешли большевики. Большевикскія орудія били залпами въ съузившійся кругъ и казалось, что ни одинъ Доброволецъ не уйдетъ гибели.

Карпаторусской ротой командовалъ прапорщикъ Богданъ Яцевъ. Рота образовала правое крыло Корниловскаго полка. День былъ почти жаркій, тихій, безъ вѣтра. Надъ степью колыхались волны теплаго воздуха.

Въ полдень былъ раненъ прапорщикъ Яцевъ и командованіе ротой пришлось обнять пишущему эти строки. Нынѣ, когда вспомню этотъ бой, дрожу; до конца вечера и затѣмъ всю ночь я былъ въ какомъ-то до сихъ поръ для меня непонятномъ бреду: я бѣгалъ, кричалъ, плакалъ, приказывалъ, поучая и увѣщивая. Когда рванулась наша рота впередъ, Корниловцы открыли ураганный огонь. Большевики были сбиты и отброшены. Но собравъ свои части, они начали опять наступать. Подъ ихъ напоромъ дрогнула вся армія. Тогда стоявшій на стогу соломы Корниловъ послалъ противъ нихъ своихъ Текинцевъ. Большевики оставили наступленіе.

Подъ вечеръ поднялось правое крыло, а затѣмъ весь фронтъ сталъ наступать на большевиковъ. Этотъ моментъ описанъ ген. Деникинымъ весьма вѣрно: „Въ горячемъ сраженіи бываютъ минуты, иногда долгіе часы, когда между двумя враждебными линіями наступаетъ какое-то странное и неустойчивое равновѣсіе. И достаточно какого-либо ничтожнаго толчка, чтобы нарушить его и сломить волю одной изъ сторонъ, психологически признавшей себя побѣжденной. Такъ и въ этотъ день: по приказу или безъ приказа передъ вечеромъ наши войска на всемъ лѣвобережномъ фронтѣ перешли въ контръ наступленіе — и противникъ былъ отброшенъ...“

Ген. Деникинъ утверждаетъ, что лѣвое крыло начало контръ наступленіе; однако это не совсѣмъ вѣрно, ибо раньше еще начало наступать правое крыло, т. е. галицко-русская рота. Конечно мои слова врядъ ли когда-либо прочтетъ ген. Деникинъ; тѣмъ не менѣе я чувствую нравственную обязанность сказать правду. Не я одинъ изъ галичанъ призывалъ, бѣгая по цѣпи, отстаивать Корнилова а тѣмъ самымъ и русское дѣло; молоденькіе гимназисты 16-ти и 17-ти лѣтъ, неудержимо рвались впередъ, а смертельно раненый студентъ Журавецкій пѣлъ, умирая:

Горы, вершины
Я васъ вижу зновь.
Кавказа равнины —
Кладбище бойцовъ.

Такъ умирали за Русь лучшие ея сыны съ надъ сребролентыхъ водъ Карпатъ. Въ Кубанскихъ степяхъ остались непохороненными 5 русскихъ галичанъ, сложившихъ свои юныя головы за „Единую Недѣлимую". Въ сгустившихся сумеркахъ пришлось ощупю искать раненыхъ, между которыми оказались уже холодные трупы гимназистовъ: Евгенія Гошовскаго, Николая Діяковскаго, Николая Лѣщишина и Ѳеодора Купецкаго. Тѣла ихъ нельзя было похоронить, такъ какъ армія стала спѣшно продвигаться впередъ. Что-то случилось съ ними: расклевали ли ихъ вороны, или растерзали волки, или разнесли большевики? Какъ ни жаль убитыхъ, все таки нельзя имъ не позавидовать ихъ чистой, возвышенной замоотверженной любви для несчастной матери Руси. Въ бою получили тяжелыя раненія, кромѣ прапорщика Яцева, Петръ Пыжъ, Миронъ Ковалишинъ, Зиновій Процыкъ, а Иванъ Сушкевичъ былъ контуженъ.

За смерть и раны Карпатороссовъ досталась честь и похвала чехо-словакамъ. Такова ужъ безталанная доля Карпатороссовъ!

„Да, были люди въ наше время!"
Бородино. *Лермонтовъ.*

IV. Ледяной походъ.

Сраженіе у Филипповскаго на долго сломало большевиковъ и до 25. марта они не смѣли вступать съ нами въ бой ограничиваясь только на незначительную артилерійскую перестрѣлку изъ дальняго разстоянія, тѣмъ болѣе, что съ ген. Корниловымъ соединился ушедшій изъ Екатеринодара вмѣстѣ съ полковникомъ Покровскимъ ген. Эрдели. Не смотря на то что половина арміи лежала больной на подводахъ, всѣ стали отдыхать какъ-то отраднѣе. Кромѣ того за пригорками черкесскихъ ауловъ стало какъ то уютнѣе и веселѣе. Черкесы встрѣтили Корнилова, сплошъ да рядомъ отъ мала до велика и накормили изголодавшихся бойцовъ мясомъ буйволовъ. Умершие были похоронены по человѣчьему и божьему, а раненые были обмыты, перевязаны и согрѣты.

Въ Абукаѣ, Несушкаѣ и въ другихъ черкесскихъ алахъа армія Корнилова изцѣляла свои раны и готовилась къуаль-цнѣйшему крестному походу. Бои закалили у каждаго Кор дилов душу, но плоть обезсилили невзгоды, лишенія и сама природа.

Кубанское небо запасмурилось, заволоклось сѣрыми тучами, изъ которыхъ повѣяло холодомъ и брызнуло дождемъ. Не смотря на это, 14-го марта Корниловъ сѣлъ на свою гнѣдопѣгую кобылицу, накинулъ на себя черную черкесскую бурку и вывелъ свои части на широкую дорогу по направленію станицъ Калужской и Дмитріевской. Дождь не переставалъ идти. Люди двигались въ грязи очень тихо. Подводы отстали. Около полудня подулъ ледяной вѣтеръ, превратившій дождь въ снѣгъ и гололедицу. Части находились въ чистомъ полѣ, гдѣ не было ни одной постройки, ни одного дерева, какъ пошелъ сильный дождь съ градомъ. Балки и долины наполнились мутной, холодной водой. Наконецъ поднялась снѣжная метель, и казалось, что не толко природа но всѣ силы ада выступили противъ Корниловскихъ героевъ. На нихъ замерзла одежда; ихъ лица заносило снѣгомъ. Они, теряя въ грязи и водѣ сапоги, разбрелись, ища мѣста посуше

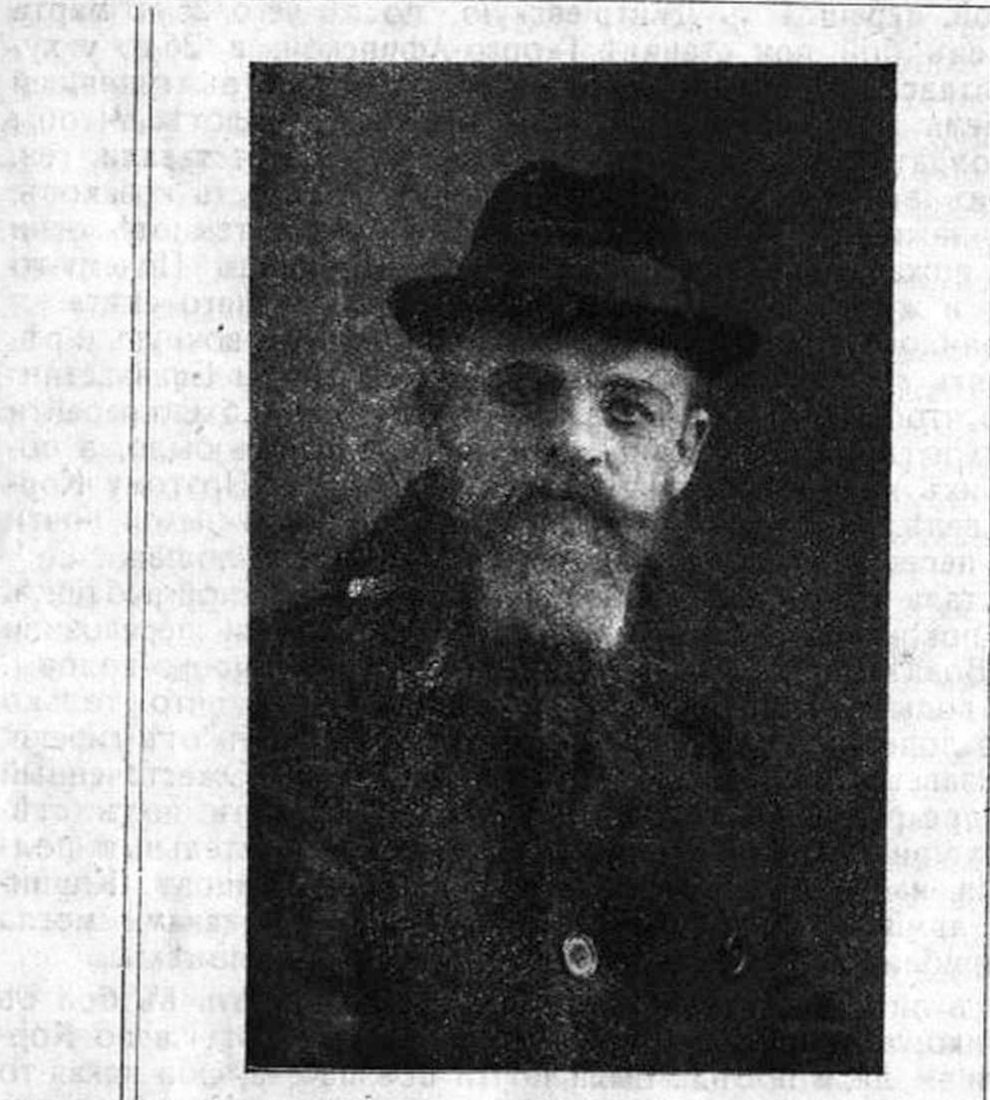
На подводахъ замерзали и умирали больные. Корниловъ слѣзъ съ лошади, по всей вѣроятности дабы размять окоченѣвшія члены, но не будучи въ состояніи бороться со стихіей, опять сѣлъ на лошадь. Подводы съ провіантомъ, орудія и кухни застряли. Лошади падали, откинувъ головы и ноги.

Было невыносимо, но идти все таки было необходимо, чтобы не погибнуть въ полѣ. На половинѣ дороги армія раздѣлилась на двѣ части. Одна часть съ ген. Корниловымъ пошла въ Дмитріевскую, чтобы выбить оттуда большевиковъ. Станица была взята позднимъ вечеромъ. Въ руки Добровольцевъ досталось девять орудій. Случилось это слѣдующимъ образомъ:

Большевики, имѣвшіе хорошія прикрытія, защищающія ихъ отъ дождя, выстрѣлили по Корниловцамъ нѣсколько разъ, но затѣмъ пальба ихъ замолкла. Корниловцы шли, не стрѣляя, шли, чтобы только войти въ теплыя жилища. Большевики не выдержали и бѣжали. Многіе изъ нихъ застрянувъ въ грязи, промокшіе, иззябнувшіе отъ холода, мороза и гололедицы, сдались вмѣстѣ съ комисарами и агитаторами. Корниловцы захватили то, что было приготовлено противъ нихъ. Это произвело на Добровольцевъ сильное впечатлѣніе и ихъ отчаяніе превратилось въ восторгъ.

Вторая часть направилась въ Калужскую Въ пяти верстахъ отъ станицы балка превратилась въ широкую рѣчку. Ее нужно было пройти во что-бы то ни стало. На встрѣчу выѣхали козаки изъ Калужской и стали перевозить больныхъ. Всѣмъ прочимъ пришлось идти водою вбродъ по поясъ Салдаты борясь съ волнами кричали, махали руками, а нѣкоторые падали въ воду. Послѣ этого на всѣхъ одежда замерзла и стала какъ лубъ. До поздней ночи подходили отставшіе, наполняя биткомъ козачіе дома. Въ этой части находился тоже Карпаторусскій отрядъ.

Необходимо было отдыхать цѣлую недѣлю.

Григорій Семеновичъ МАЛЕЦЪ, организаторъ Карпаторусскаго Добровольческаго Военнаго Отряда.

— Отецъ солдатамъ.
Но жаль его, сраженъ булатомъ.
Бородино. *Лермонтовъ.*

V. Смерть ген. Корнилова.

Какъ только стало чуть теплѣе, часть находящаяся въ Калужской, перешла въ Дмитріевскую, послѣ чего 25-го марта произошелъ бой при станицѣ Георго-Афипской, а 26-го у хутора Полтавскаго. Приближаясь къ рѣкѣ Кубани, выступившей въ то время изъ береговъ, войска тонули въ болотѣ. Чтобы ночью солдаты и подводчики не блуждали и не отставали, ген. Корниловъ высылалъ впередъ знающихъ мѣстность козаковъ, которые зажигали костры соломы. Въ ночной темнотѣ огни казались пожарами, охватившими нѣсколько станицъ Почему-то печально и жутко было смотрѣть на круги огненнаго свѣта.

Корниловъ обошелъ городъ Екатеринодаръ вокругъ и рѣшилъ взять его приступомъ со стороны станицы Елизаветинской. Но чтобы войти въ Елизаветинскую, нужно было перейти широкую и глубокую Кубань. Мостовъ на ней не было, а построить ихъ на скорую руку было невозможно. Поэтому Корниловъ велѣлъ сдѣлать огромный паромъ и на немъ почти два дня перевозились войска, снаряженіе, орудія, лошади.

Настала чудная погода. Солдаты ходили въ одной рубашкѣ. Кубань покрылась лодками, на которыхъ козаки перевозили войска. Возлѣ лодокъ плыли лошади, поднявъ высоко головы. Теченіе воды уносило лодки и лошадей, такъ что только искуство лодочниковъ и сила козаковъ спасли ихъ отъ гибели.

Елизаветинская была взята безъ затрудненій. Ожесточенный бой, не прекращавшійся днемъ и ночью, закипѣлъ подъ стѣнами Екатеринодара. Большевики собрали значительныя подкрѣпленія, насчитывавшія около 30-ти тысячъ бойцовъ. Корниловская армія вмѣстѣ съ новоприбывающими козаками могла имѣть приблизительно четыре до пяти тысячъ человѣкъ.

Могъ ли Корниловъ съ такими силами вступать въ бой съ противникомъ? По человѣческому уму-разуму нѣтъ, а по Корниловски — да, и побѣда была почти обезпечена, ибо какая-то паника, суматоха, броженіе и страхъ передъ ген. Корниловымъ овладѣли большевиками, ибо всѣ вездѣ, отъ Ростова до Екатеринодара, вѣрили въ непобѣдимость Корнилова. Кромѣ того со всѣхъ сторонъ росъ постоянно приливъ козаковъ. Наконецъ каждый Корниловецъ уже давно былъ лишенъ всякаго страха, ибо его девизомъ было: побѣда или смерть, memento которой было нашито на его лѣвомъ рукавѣ.

Три дня и три ночи, стойко и мужественно, держали Корниловцы свои позиціи. Три дня и три ночи рѣяли русскія знамена между Елизаветинской и Екатеринодаромъ. На четвертый

день, когда Корниловцы уже ворвались въ предмѣстье города, а большевики спѣшно эвакуировали Екатеринодаръ, стряслось надъ Добровольцами ужасное горе: Корниловъ, находившійся въ небольшомъ домѣ, откуда руководилъ боемъ, былъ замѣченъ большевиками и засыпанъ орудійными ядрами. Друзья молили Корнилова, чтобы оставилъ опасное мѣсто, но было поздно. Одной изъ многихъ, попавшихъ въ домъ гранатъ, былъ въ немъ убитъ богатырь русской земли, генералъ Корниловъ.

Смерть Корнилова была пораженіемъ для его богатырской арміи, которая потерявъ своего вождя осталась точно тѣло безъ души. Солдаты и офицеры узнавъ про смерть Корнилова, сразу оставили свои позиціи и пошли въ разсыпную не соображая и не зная куда и зачѣмъ. Поневолѣ вспоминается 'Ανάβασις, во время которой погибъ Киръ-младшій съ тѣмъ однако различіемъ, что Корниловская армія очутилась въ болѣе печальномъ положеніи чѣмъ древнія фаланги Кира.

Подъ Екатеринодаромъ погибъ цвѣтъ Корниловской арміи. На полѣ сраженія остались командиръ Корниловскаго полка полковникъ Нѣженцевъ, командиръ конныхъ частей полковникъ Корниловъ, много офицеровъ и солдатъ. Число раненныхъ значительно увеличилось. Потери большевиковъ были въ три раза численнѣе, но будь они въ три миліона разъ больше еще не могли бы возмѣстить потери одного Корнилова.

Галицкая рота не принимала участія въ штурмѣ Екатеринодара, такъ какъ она третій ужъ день вздерживала напоръ большевиковъ, наступающихъ отъ Маріинской. Раненными были только тѣ, которые находились въ Корниловскомъ полку: прапорщикъ Романъ Мацанъ и Иванъ Бойко. Первый умеръ отъ ранъ въ Елизаветинской, гдѣ послѣ смерти Корнилова рѣшено оставить часть лазарета съ тяжело-раненными, чего Корниловъ никогда не дѣлалъ. Въ Елизаветинской остались также и врачи и сестры-милосердія, которые вмѣстѣ съ больными подверглись ужаснымъ пыткамъ. Бойку удалось попасть на подводу. Кромѣ нихъ, изъ галичанъ въ бояхъ по пути къ Екатеринодару были раненны тяжело: студентъ Александръ Канинъ, Евстахій Ивановичъ, Иванъ Мацелюхъ, Владиміръ Гнатикъ и Иванъ Бубнякъ; легко: студентъ Александръ Пелехъ, Владиміръ Охничъ и Андрей Хома

Потерявъ Корнилова, остатки его арміи въ однѣ сутки прошли нѣсколькодесять верстъ. Трудно себѣ представить, какъ тяжелое было это отступленіе. Какъ бы на зло, въ добавокъ дулъ противный вѣтерь и пыль засыпала очи отступающимъ. Трудно было кого-либо узнать, ибо грязь, образовавшаяся отъ смѣшенія пыли съ потомъ, покрывала ихъ лица. Очи покраснѣли. Ноги двигались механически и до того болѣли, что нужно было ступать то на пальцахъ, то на боку, то на пяткахъ. Остановиться и отдохнуть было немыслимо, потому

что за отступающими гнались большевикскіе бронированные автомобили.

Только въ Гночбау, нѣмецкой колоніи, ввиду смертельной усталости людей, была сдѣлана передышка. Вповалку ложились воины подъ соломенные заборы или кизяки, засыпая непробудимымъ сномъ.

Ночью тайкомъ былъ похороненъ ген. Корниловъ и полк. Нѣженцевъ, о чемъ знали только ген. Деникинъ, Алексѣевъ, священникъ и колонист-нѣмецъ.

На второй день собрался военный совѣтъ для рѣшенія вопроса: сдаться ли большевикамъ, разойтись, или продолжать борьбу до послѣдняго издыханія. Было принято рѣшеніе: бороться до послѣдняго.

Между тѣмъ большевики окружили колонію, чтобъ покончить съ „бѣлыми", какъ назвали Корниловцевъ, потому что послѣдніе носили на папахахъ бѣлыя повязки, ибо случалось, что въ рукопашномъ бою по ошибкѣ убивалъ свой своего. Потому ген. Алексѣевъ приказалъ носить бѣлыя повязки. На большевикскихъ фуражкахъ появились красныя тряпки.

Большевики обстрѣливали весь день колонію, такъ что взрывы гранатъ опрокидали повозки съ ранеными, убивали столпившихся солдатъ и едва не убили ген. Алексѣева. Подъ вечеръ началось дальнѣйшее отступленіе такимъ образомъ, что ген. Марковъ пошелъ впередъ въ наступленіе, дабы очистить путь хотя съ одной стороны. Наступилъ темный и довольно холодый вечеръ. Для боя сдѣлано карэ, т. е. квадратъ. Слышалось ура и раздавались крики, но никакъ нельзя было различить, чья сторона кричитъ, кто наступаетъ, кто отступаетъ.

Меня застанавливаетъ до сихъ поръ одинъ фактъ: какъ могли въ такъ тяжелую минуту нѣкоторые солдаты спать и храпѣть стоя на ногахъ? Ихъ нужно было будить и они не просыпаясь стрѣляли, куда попало. Когда-же они шли впередъ, то держались за руки и громко кричали.

Въ полночь не осталось ни одного Добровольца въ полѣ. Они всѣ ушли, а большевики думали, что умѣютъ перед собою окопы съ войсками. Только днемъ, убѣдившись въ отсутствіи Добровольцевъ, они вошли въ колонію, розграбили ее, и вырывъ тѣло Корнилова, завезли его въ Екатеринодаръ, гдѣ возили его нагаго по улицамъ, бросали объ землю и вконцѣ сожгли его, а пепелъ розметали по вѣтру.

Такова была кончина одного изъ лучшихъ сыновъ русскаго народа! На пѣго-гнѣдую лошадь сѣла его дочь Татьяна. Обожатели Корнилова разобрали всѣ его вещи себѣ на память. Шапка досталась мальчугану-гумназисту, галичанину Скамаю, бѣжавшему изъ пріюта къ Корнилову и служившему при немъ

посыльнымъ. Въ послѣдствіи Будиловичъ показывалъ въ музеѣ им. Корнилова „шапку“ великаго вождя, однако это была не эта шапка. Та, которую носилъ Корниловъ въ послѣднее время, осталась у галичанина Скамая.

Вѣрьте, что Родина будетъ опять великой и могучей!

Предсмертныя слова ген. Маркова.

VI. Ген. Марковъ.

Сухой, степной, холодный вѣтеръ не переставалъ дуть и отступленіе Добровольческой арміи стало невыносимо. Больныя, измученныя ноги не могли двигаться. Уныніе, не смотря на то, что изъ Гночбау всѣ ушли благополучно, было безграничное. Не страхъ за жизнь овладѣлъ Добровольцами, ими овладѣла печаль по томъ, что погибло олицетвореіе идеи освобожденія Россіи отъ большевиковъ.

Въ такомъ положеніи могло лишь чудо спасти остатки арміи и вернуть ей прежнія силы. Это сознавалъ всякій военачальникъ, это чуствовалъ каждый рядовой солдатъ. Ген. Марковъ, ничего никому не говоря, взялъ съ собою двѣ сотни офицеровъ, помчался съ ними въ станицу Медвѣдовскую и занялъ ночью желѣздорожную станцію. По телефону онъ затребовалъ эшалонъ большевикскихъ войскъ съ бронированымъ поѣздомъ будто для „разбитія вновь собирающихся Корниловцевъ“, т. е. на самаго себя.

На первой зарѣ послышался свистокъ, гулъ и пыхтѣніе паровоза. Большевики, думая, что пришли на подкрѣпленіе своимъ противъ убѣгающаго ген. Маркова, лежали въ теплушкахъ раздѣтые. Ген. Марковъ далъ знакъ машинисту, чтобы задержалъ поѣздъ. Одновременно онъ приказалъ находящейся вблизи батареѣ дать залпъ по паровозу. Колеса рухнули. Офицеры ворвались въ вагоны и обливъ таковые керосиномъ зажгли ихъ. Раздалась ружейная пальба и трескъ пулеметовъ по выбѣжавшимъ изъ теплушекъ большевикамъ. Трупы ихъ падали на одну кучу. Въ завершеніи дѣла офицеры стали работать саблями и кровь людская потекла ручьями.

Ужасная картина вырвала Добровольцевъ изъ оцѣпенѣнія. Подошедшія къ станціи части увидѣвъ передъ собою кучу валявшихся труповъ, большой запасъ продовольствія и воинскаго снаряженія воспрянули духомъ еще болѣе, когда разнесся слухъ, что въ Кавказкомъ отдѣленіи Кубанской области возстали козаки. Разпыленныя части Добровольческой арміи стали опять собираться въ отдѣленія и потрясать оружіемъ. Опять раздалась пѣсня, необходимая для поддержанія духа салдатъ. Деникинъ промчался галопомъ съ трехцвѣтнымъ знаменемъ

которое текинцы носили при Корниловѣ. Слезы засіяли въ очахъ выстроившихся ротъ.

Армія вышла изъ кольца и была спасена, когда достигла станицъ Ильинской и Успенской. Ген. Деникинъ станулъ во главѣ ея. Къ большому горю арміи „шпага Корнилова и Деникина" — ген. Марковъ былъ вскорѣ убитъ. Это случилось въ бою при станціи Шабліевкѣ. Марковъ былъ убитъ также, какъ и Корниловъ, гранатой уже при концѣ боя. Сознаніе онъ сохранилъ до послѣдняго дыханія и все время говорилъ о Россіи. На заупокойной по немъ панихидѣ церковь была биткомъ наполненна и безпрерывный рядъ отдающихъ честь покойному, начиная ген. Деникинымъ, цѣловалъ чело неутомимаго борца за „Русь святую".

Ой, матушка! гдѣ ты?
А ты бы насъ похолила,
Пока не оперились мы.
Какъ крылья отростимъ,
Въ долины, въ рощи тихія
Мы сами улетимъ.

Н. А. Некрасовъ.

VIII. Ген. Деникинъ.

Новый вождь Добровольческой арміи очутился въ такомъ же положеніи, какъ былъ раньше ген. Корниловъ. Онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ большевиками. Только Корниловъ, шедшій на выручку Донцамъ, былъ встрѣчаемъ равнодушно, а возвращающійся Деникинъ — восторженно. Несмотря на то Добровольцы должны были пробиваться впередъ посредствомъ ожесточенныхъ боевъ у Горной Балки, села Лежанки и Лопанки, и какъ разъ на Пасху 1918 года пришли съ Деникинымъ въ станицу Егорлыцкую. Старики вернулись изъ степи. Козачки нарядились въ стройныя одежды. Пройдя Егорлыцкую Деникинъ остановился въ Мечетинской, кругомъ которой пришлось ему вести бои у Маныча, Выслокъ и Кагальницкой, гдѣ въ бою съ отрядомъ анархистки Маруси Никифоровой былъ раненъ пишущій настоящія строки.

Въ Мечетинской Добровольческая армія отдыхала и пополняла свои пробѣлы. Тамъ присоединился къ ней пришедшій изъ Румыніи полковникъ Дроздовскій, въ отрядѣ котораго нашлось тоже около десятка добровольцевъ-галичанъ, гимназистовъ изъ Бердянска.

Карпаторусскій отрядъ сталъ приводить себя въ порядокъ. Находясь вблизи Ростова, онъ получилъ нѣкоторое пополненіе. Раненные оправились. Число отряда возросло до 100 человѣкъ. Между новоприбывшими были: судья Исидоръ Худко; офицеры австрійской арміи студенты: Александръ Брояковскій, Владиміръ Застырецъ, Дмитрій Семанюкъ, Н. Дмитровскій; гимна-

зисты: Коцко, Литвиновичъ, Курдыдикъ; крестьяне: Креховецъ, Юрковскій, Куртякъ, Куликъ, Цесликъ и другіе. Какъ сестра милосердія явилась студ. Александра Воловчукъ. За боевыя отличія 16 человѣкъ галичанъ, вольноопредѣляющихся 1-го разряда, были произведены въ первый офицерскій чинъ. Такимъ образомъ отрядъ окрѣпъ.

Крупный, успѣшный бой у села Гуляй-Борисовки закрѣпилъ Донскую область за Добровольческой арміей. Въ бою учавствовалъ нашъ отрядъ. Молодые офицеры, иногда безъ необходимости, щеголяли своей бравурой Какая-то неудержимая сила толкала каждаго въ самую гущу боя. Необъяснимое веселье охватило цѣпь, не смотря на то, что тутъ же рвались гранаты и шрапнели. Мнѣ стоило большого труда, чтобы подчинить цѣпь необходимому въ бою спокойствію.

Послѣ этого памятнаго дня послѣдовалъ рядъ кровопролитныхъ боевъ у Лопанки, Песчанокопскаго, Бѣлой Глины, Медвѣжья въ Ставропольской губерніи, у станицъ Терновской, Кавказкой, Гулькевичъ, города Армавира, нижняго Егорлыка, Татарки, города Ставрополя и на горѣ Недреманной. Всюду большевики были сбиты. Добровольческая армія разправляла свои крылья. Когда Донъ и Кубань были очищены отъ большевиковъ, умеръ вдохновитель ген. Алексѣевъ. Также умеръ отъ ранъ полк. Дроздовскій.

Нашъ отрядъ несъ довольно значительныя жертвы, которыя убѣдительно говорятъ за то, что галичане не щадили себя. Въ бояхъ пали: прапорщики: Долгій-студентъ, Загайко, Лопусскій и Альтштадтъ гимназисты; солдаты: Кравецъ, Золотунъ, Курдыдикъ, Тимковъ, Волкунъ и много другихъ. Раненія получили: прапорщики Семанюкъ, Ковалишинъ, Воловчукъ, Бойко, Моцко, Демко и Ковerданъ; солдаты: Коцко, Оленюкъ, Литвиновичъ, Оренчукъ, Цѣсликъ и прочіе.

Вокругъ Ставрополя разыгрались жестокіе бои и нашему Отряду пришлось вынести ужасныя лишенія. Непредвидѣнныя переброски съ одного конца на другой, переходы, весьма холодный вѣтеръ и появившаяся болѣзнь, зовимая испанкой, вырывали изъ строя какъ рядовыхъ такъ и офицеровъ. Въ бояхъ у Малой и Большой Джалги, Пелагіады, станицъ Барсуковской и Невиномысской положили свои головы прапорщикъ Александръ Пелехъ, очень дѣятельный студентъ и солдаты Юрковскій, Никита Пыжъ, а Сливчукъ и Куртякъ были тяжело ранены. Прапорщикъ Демковъ, заболѣвъ испанкой, умеръ въ Ставрополѣ. По случаю болѣзни мнѣ пришлось уйти изъ отряда, которымъ временно сталъ командоватъ пор. Матоглина, будучи подъ руководствомъ генералъ-маіора Ушака.

Деникинъ шелъ успѣшно впередъ. Донская, Кубанская и Терская области и вся Ставропольская губернія были осво-

бождены. Добровольческая армія вошла въ Малороссію, быстро продвигаясь на западъ и сѣверъ. Восточнымъ фронтомъ командовали два выдающіеся генерала: ген. Врангель и ген. Покровскій, наступавшіе на Царицынъ и Волгу.

Ужъ постоимъ мы головою
за Родину свою.

Бородино. *Лермонтовъ.*

VIII. Славянскій стрѣлковый полкъ.

Карпаторусскій отрядъ, отдохнувъ въ Новороссійскѣ, переѣхалъ въ Таганрогъ а затѣмъ въ Волноваху. Въ то время имъ командовалъ штабсъ-капитанъ Піаццо, а потомъ подпоручикъ Александръ Емиліановичъ Брояковскій. Сразу пришлось ему вступить въ бои, завязавшіеся вокругъ Волновахи, Еленовки, Валеріяновки, Благодатнаго и города Маріуполя, который въ скоромъ времени большевики отрѣзали отъ Донской области. Желѣзнодорожныя станціи Волноваха, Великоподолье, Кальчикъ были ими заняты. Въ городѣ осталось незначительное число Добровольцевъ. Чехи ушли въ пристань къ появившимся здѣсь французамъ. Галичане остались вѣрными ген. Деникину.

Только теперь, по приказу ген. Ельчанинова, Карпаторусскій отрядъ былъ переименованъ въ отдѣльный Карпаторусскій баталіонъ, которымъ сталъ командовать капитанъ Усковъ.

Находящійся въ осадѣ городъ защищался всѣми силами, надѣясь на помощь отъ Ростова. Она не приходила и Добровольцы, бросивъ въ море бронированные паровозы и много оружія, на пароходахъ отплыли по направленію Керчи.

Карпаторусскій баталіонъ и здѣсь понесъ большія жертвы. Привагъ-доцента московскаго университета прапорщика Александра Мусселіуса, большевики посѣкли саблями. Старшій унтеръ-офицеръ Патроникъ, студентъ, получивъ тяжелое раненіе въ голову, умеръ въ больницѣ; младшій унтеръ офицеръ Цесликъ былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ, а старшаго унтеръ-офицера Креховца раздавилъ поѣздъ. Вслѣдствіе ранъ изъ строя выбыли прапорщики Бродскій и Фитіо и вольноопредѣляющіеся Грenякъ и Кузьмичъ, оба гимназиста. Прапорщикъ Застырецъ умеръ отъ тифа.

Карпаторусскій баталіонъ переѣхалъ въ Таганрогъ, гдѣ замѣнившій кап. Ускова полковникъ Писаренко изъ-за своего безнравственнаго поведенія по предложенію предсѣдателя Галичанъ былъ устраненъ отъ командованія баталіономъ и замѣненъ генеральнаго штаба генералъ-маіоромъ Павломъ Кузьмичемъ

Вицентьевымъ, которому въ помощники былъ назначенъ полковникъ Ярошевскій. Баталіонъ развернулся въ полкъ, получившій согласіе на наименованіе его „Карпаторусскимъ". Не малое было его удивленіе и недовольство, когда показалось, что въ штабѣ придумали ему странное названіе: „Славянскій полкъ". Галичане запротестували противъ такого наименованія, однако протестъ ихъ остался безъ послѣдствій по какимъ-то „высшимъ" соображеніямъ. За то Деникинъ принялъ безъ оговорки всѣ предложенныя ему предсѣдателемъ Галицко-русскаго Комитета Г. С. Мальцемъ требованія въ другихъ областяхъ и отдалъ по этому случаю надлежащія приказанія министру иностранныхъ дѣлъ Сазонову и военному министру генералу Вязьминитову.

Между тѣмъ Добровольческая армія взяла Кіевъ, Полтаву, Харьковъ и Царицынъ. Возможность соединенія съ адмираломъ Колчакомъ была неисключена. По крайней мѣрѣ тогда всѣ вѣрили въ это.

Добровольцы взяли даже Проскуровъ. Галицкая Русь сдѣлалась ихней сосѣдей. Какія надежды, какіе порывы обуяли Славянскій стрѣлковый Полкъ! Въ его ряды явились присяжный повѣренный д-ръ Юліянъ Сьокало, инжинеръ Андрей Кметь, студенты: Юліанъ Еднакій, Борсукъ, Гайдучокъ, Баранъ, М. Бачинскій, Б. И. Давидовичъ и другіе. Въ полку закипѣла робота: изучались пулеметы, шли упражненія и приготовлялось все нужное для похода.

Славянскій полкъ ушелъ изъ Таганрога 9-го августа 1919 г. и быстро понесся по равнинѣ. Неописуемое веселье царило въ поѣздѣ. Добровольцы играли на инструментахъ пѣли пѣсни, плясали, веселились и радовались, ибо осуществлялась завѣтная ихъ мечта!

На нѣкоторое время полкъ остановился въ гор. Александровскѣ надъ Днѣпромъ, гдѣ пополнился русскими и галичанами, прибывшими изъ Кіева и Галичины. Между прочемъ пришли сюда студенты: Пашкевичъ, Мельникъ, Мельникъ 2-й, Матіашъ, Проскурницкій, Крушельницкій, Крышталъ, Долгій, Иваськовъ, Герасимчукъ, предподаватель гимназіи Галиковскій и о. Лука Ольховый, который былъ назначенъ полковымъ священникомъ.

Славянскій стрѣлковый полкъ насчитывалъ тогда около 2.000 человѣкъ съ нестроевой ротой. Принято мѣры для того, чтобы его развернуть въ бригаду, при чемъ второй полкъ непремѣнно долженъ былъ получить названіе Карпаторусскаго Полка. Выслано тоже нѣсколько человѣкъ въ украинскую армію, чтобы оттуда изъять русскихъ галичанъ.

Василій Романовичъ ВАВРИКЪ*)

*) Авторъ настоящаго Очерка, изображеніе котораго Редакція помѣщаетъ отъ себя. *ДИК.*

А у нашей деревушки
нова новина.
Народная пѣсня.

IX. Гибель Славянскаго полка.

Когда ген. Вицентьевъ приготовилъ все необходимое для передвиженія полка въ Елизаветградъ и поэтому случаю давалъ прощальный вечеръ русскому обществу Александровска за его сердечныя симпатіи къ чинамъ полка, 17-го августа имъ была получена телеграмма о появленіи Махно. Это извѣстіе было пранято среди веселыхъ возгласовъ. Въ залѣ бала раздалось стройное и торжественное пѣніе: „Пора за Русь святую". Русскіе, впервые слышавшіе нашъ гимнъ, сдѣлали восторженную овацію нашимъ офицерамъ. Въ 5. ч. утра баталіоны пошли по улицамъ Александровска, напѣвая пѣсеньку но не зная, что ждетъ ихъ впереди.

А ждала ихъ ужасная участь: У Кичкаскаго моста и возлѣ станціи Мировой произошло сраженіе съ Махновцами, въ которомъ Славянскій полкъ былъ разбитъ въ пухъ и прахъ. На 1.200 штыковъ нагрянуло неменѣе 20.000 Махновцевъ. На полѣ сраженія были изрублены: помощникъ командира полка полковникъ Ярошевскій, командиры 4-хъ баталіоновъ полковники: Алексѣевъ, Жолтеръ, Медвѣдевъ и Поротовъ, командиры ротъ штабсъ-капитаны Піяцко, Еждикъ и Юхтъ. Такая же судьба постигла многихъ галичанъ, изъ которыхъ непогребленными остались надъ Днѣпромъ поручики Вас. Вен. Бойко, Якимецъ, Ющакъ и Фитіо; вольноопредѣляющіеся Цымбалистый, Пашкевичъ, Мельникъ, Матіашъ, Проскурницкій, Крышталъ, Крушельницкій, Иваськовъ и много другихъ. Избитый врачъ Евгеній Мельникъ умеръ отъ ранъ. „Славянскій Полкъ" почти цѣликомъ былъ взятъ въ плѣнъ. Подпоручику Еднакому удалось бѣжать изъ плѣна; прапорщикъ Кметь пропалъ безъ вѣсти.

Махновцы прижали остатки полка къ Днѣпру. Ген. Вицентьевъ съ женой спасся на лодкѣ. Солдаты бросались въ Днѣпръ, но не каждому изъ нихъ было суждено увидѣть другой берегъ. Махно вошелъ въ Александровскъ и цѣлый мѣсяцъ дѣлалъ жестокія расправы съ бѣлыми.

Всѣ тучки, тучки понависли,
а съ поля палъ туманъ.
Народная пѣсня.

X. Гибель Добровольческой арміи.

Ген. Деникинъ взялъ еще Орелъ, послѣдній этапъ къ Москвѣ, однако его орлы-добровольцы послѣ того опустили свои крылья. Не суждено имъ было достать „Бѣлокаменную", какъ Карпато-

россамъ престольный городъ Льва и Осьмомысла, подпиравшаго своими желѣзными полками Карпатскія горы.

Здѣсь я долженъ сказать, что не бои сломими армію Деникина. Весьма много было причинъ ея гибели, но главнѣйшія, помоему, слѣдующія: Ген. Деникинъ шелъ на Москву слишкомъ рано, ибо въ русскихъ умахъ былъ еще хаосъ, неясность, сбивчивость. Русское общество въ тылу не представляло изъ себя ничего отраднаго. Большевизмъ не отжилъ, онъ былъ въ самомъ разгарѣ. Общество интелигентовъ тормозило дѣло освобожденія. Еще большевики не были совсѣмъ выбиты изъ Кубанской области, какъ „самостійники" пошли походомъ противъ Добровольческой арміи. Въ тылу разжигались страсти всякаго рода партіями, вслѣдствіе чего паденіе было неизбѣжное. Въ тылу не было на что-либо опереться. Русская интелигенція упоивалась утопіями, которыя она лелѣяла цѣлое столѣтіе въ своей душѣ. Ей было стыдно и невозможно отказаться отъ нихъ. Армія возстанавливала Россію, а тылъ разрушалъ ее безъ пощады и зазрѣнія совѣсти. Къ партійнымъ раздорамъ присовокупились: жажда легкой наживы, спекуляція, хищеніе общественнаго имущества, грабежъ, болѣзни и постоянно возрастающая дороговизна, влекущая за собою голодъ. Хазяйничаніе, которое мнѣ приходилось видѣть въ разныхъ учрежденіяхъ, лазаретахъ, питательныхъ пунктахъ и присутственныхъ мѣстахъ, производило на меня впечатлѣніе, что честныхъ людей съ фонаремъ искать на Руси въ бѣлый день. Нѣсомнѣнно они были, но видя безобразіе, они ушли, и Деникинъ не могъ подобрать себѣ подходящихъ помощниковъ.

Когда Деникинъ взялъ Орелъ, Кубанская Рада рѣшила отозвать пластуновъ будто для защиты Кубани. Появленіе Махно въ тылу разстроило планы дальнѣйшей борьбы. Кромѣ того въ самой арміи нашлось множество не-добровольцевъ, т. е. такихъ, которые вовсе не думали о благѣ русскаго народа. Частыя пьянства и буйства подрывали престижъ власти. Вдобавокъ армія была неодѣта и необута, когда съ сѣвера подуло сильнымъ холодомъ.

Много говорилось, что Деникинъ медлилъ съ земельной реформой, но это обвиненіе безпочвенное. Деникинъ передалъ земельный вопросъ въ руки проф. Билимовича, сторонника Столыпинской реформы. Къ этому запутанному вопросу Деникинъ подходилъ весьма осторожно и окончательно съ взятіемъ Москвы рѣшилъ бы его въ пользу крестьянъ.

Отвѣтственность за отступленіе не можетъ пасть на одного Деникина; два его поступка краснорѣчиво говорятъ за то, что онъ благо отечества ставилъ выше своихъ личныхъ интересовъ, именно: Во-первыхъ онъ передалъ всю власть въ руки адмирала Колчака, а во-вторыхъ назначилъ своимъ преемникомъ ген. Врангеля, когда увидилъ, что командиры полковъ скло-

няются болѣе на сторону послѣдчяго. Какъ человѣкъ чести, горячій патріотъ онъ счелъ нужнымъ уйти съ занимаемаго имъ поста главнокомандующаго.

Въ партійныхъ спорахъ онъ всегда былъ великодушенъ. Донцамъ онъ сказалъ: „Насъ разсудитъ Богъ и исторія". Призывъ: „Единая и недѣлимая Русь" онъ проводилъ на дѣлѣ честно, смѣло и непоколебимо. Въ Карпаторусскомъ дѣлѣ онъ проявлялъ всегда самое горячее желаніе помочь ему. Соединеніе съ Петлюрой онъ считалъ недопустимымъ и позорнымъ. Нужно сказать правду, что причиной гибели Добровольческой арміи было русское общество интелигентовъ своей недальновидностью, безпросвѣтной безъидейностью и анархистскими стремленіями. Не будь этого, имя Деникина было бы записано на страницахъ русской исторіи золотыми буквами.

Пора гремѣть могучимъ хоромъ:
на Руси русская земля.
Галицко-русскій гимнъ.

XI. Ген. Врангель.

Большевики закупорили остатки Добровольческой арміи въ Крыму. Ген. Врангель принялся за ея переформированіе. По гражданской части онъ подготовлялъ земельную реформу. Кто знаетъ, что случилось бы съ Россіей, если бы Поляки не заключили перемирія съ большевиками. Русскій народъ въ своей массѣ понялъ, что такое большевизмъ. Онъ былъ задѣтъ за живое и населеніе, которое нападало на отступающихъ Деникинцевъ, добровольно шло въ ряды Врангельцевъ. Оно перестало смотрѣть на большевиковъ, какъ на власть русскую. Большевиковъ спасли, повторяю, Поляки, заключившіе съ большевиками перемиріе, послѣ чего у большевиковъ развязались руки для борьбы съ Врангелемъ. 1920 г.

Борьба Врангеля была лишь эпилогомъ грандіозной Деникинской борьбы съ большевиками. Ни въ коемъ случаѣ она не могла прекратиться съ уходомъ Деникина, ибо чѣмъ дальше на югъ отступала Добровольческая армія, тѣмъ ярче обнаруживался у нея патріотизмъ. Инстинктивно всѣ оглядивались вокругъ себя и искали такого человѣка, который, одинъ сильною рукою, подчинилъ бы себѣ солдатскія массы. Этимъ самымъ объясняется фактъ, выдвинувшій Слащова въ Крымскаго героя, не допускавшаго сужденій и колебаній.

Такъ какъ ген. Врангель отличался очень сильной энергіей и волей, онъ былъ избранъ офицерскимъ корпусомъ на постъ главнокомандующаго. Періодъ его борьбы былъ рядомъ отчаянныхъ и сверхъ-человѣческихъ усилій на фронтѣ и въ тылу,

засвѣдѣтельствовавшихъ не только желаніе, но и святѣйшій порывъ жертвы во имя свободы Россіи. Боями впервые запечатлѣнъ русскій обликъ, который потерялъ свои черты въ революціи. Впервые поняли русскіе люди, что такое русская земля и зачѣмъ она имъ дана предками. По моему „бѣлое" движеніе имѣетъ глубокій смыслъ въ возрожден и Россіи, какъ бы о немъ теперь ни говорили.

А на той калинѣ
птащечка сидѣла,
и напѣвала
жалобную пѣсню.
Народная пѣсня.

XIII. Чаша страданій выпита до дна.

Славянскій стрѣлковый полкъ былъ въ Крыму расформированъ. Ген. Вицентьевъ умеръ отъ сыпнаго тифа. Оставшимися и новоприбывшими изъ Чехіи и Италіи галичанами сталъ командовать полковникъ Марковичъ. Въ это время они могли уѣхать изъ Крыма, однако долгъ передъ Родиной велѣлъ имъ притти къ другимъ выводамъ: уѣзжать изъ Россіи, пока продолжается борьба съ большевиками, нельзя. Думалось, что переворотъ наступить непремѣнно, отрезвленіе охватитъ народныя массы, раньше или позже водворится порядокъ въ великой странѣ — Россія станетъ опять могучимъ въ Европѣ факторомъ. Прикарпатская Русь воспрянетъ вмѣстѣ съ ней.

Оправивившійся послѣ тяжелой болѣзни Григорій Семеновичъ Малецъ созвалъ на совѣщаніе комитетъ. Рѣшено оставаться при Врангелѣ. Малецъ, Бачинскій и Гнатикъ отправились къ нему съ докладомъ въ Севастополь. Нужно съ удареніемъ подчеркнуть, что ген. Врангель не разбирался въ Карпаторусскихъ дѣлахъ такъ, какъ его предшественникъ. Онъ смотрѣлъ на Карпатороссовъ сквозь очки всего русскаго общества, не имѣющаго точнаго понятія, что такое есть Прикарпатская Русь. Онъ зналъ, что у Карпатъ живутъ какіе-то славяне, но кто они, это былъ для Врангеля темный лѣсъ. Въ штабѣ все таки были люди, которые знали Карпатскую Русь. Таковыми были министръ П. Б. Струве, ген. Вязьмитиновъ и мин. Кривошеинъ. Ген. Врангель обѣщалъ поддержку. Галичане были переведены въ Сводно-стрѣлковый полкъ и образовали 2-ой Карпаторусскій отдѣльный баталіонъ, командиромъ котораго былъ назначенъ поручикъ и скоро затѣмъ штабсъ-капитанъ Владиміръ Гнатикъ.

Баталіонъ переѣхалъ изъ Ѳеодосіи по Арбатской Стрѣлкѣ на позиціи противъ города Геническа, гдѣ пополнился прибывшими изъ Новороссійска студентами-галичанами. Между прочими сюда пришли: Яблонскій, Богоносъ, Оленичъ, Гресюкъ,

Войцѣховскій, гимназ. А. Кобылецкій и другіе. Скоро, послѣ расформированія Сводно-стрѣлкового полка, Карпаторусскій баталіонъ былъ влитъ въ 49-й Брестскій полкъ, входившій въ 13-ю дивизію 2-го корпуса. Здѣсь однако баталіонъ былъ сведенъ въ 4-ю Карпаторусскую роту съ тѣмъ-же командиромъ Гнатикомъ и начальникомъ пулеметной команды поручикомъ Львомъ Пелехомъ.

20-го мая 1920 г. Ѳеодосія наполнилась всѣхъ родовъ войсками. Раннимъ утромъ, едва взошло солнце, въ гавани передъ пароходами, нагруженными солдатами, явился генералъ Врангель. Грянулъ орхестръ, грянуло ура и 42 парохода выплыли на Черное море. Уѣхали и Галичане.

Дессантъ былъ весьма удаченъ, не сморя на то, что войска бросались въ море и приплывали къ берегу. Кирилловка была взята безъ боя, но уже въ сосѣднихъ деревняхъ завязались сильные бои, результатомъ которыхъ было взятіе Давыдовки, города Мелитополя, Константиновки, Мордвиновки, станціи Федоровки. Эти успѣхи опять подняли духъ арміи. Передъ Врангельцами роскинулась роскошная, широкоя, малорусская степь. Ихъ обласкала очаровательная южная весна. На этой раскошной степи и въ такую очаровательную весну происходили бои каждый день и каждую ночь, бои до сихъ поръ небывалые съ большевиками, которые подъ руководствомъ опытныхъ генераловъ и офицеровъ императорской арміи пріобрѣли воинскій видъ, дисциплину и необходимыя на войнѣ пріемы.

Походы и бои продолжались. Карпаторусская рота шла впереди Брестскаго полка, командуемаго полковникомъ Хаджи. Подъ Кизіаркой развѣдчики-галичане отбили у латышскаго большевикскаго полка знамя. Въ бою подъ Лѣснымъ, называемымъ нѣмецкими колонистами Вальдгеймомъ, они взяли въ плѣнъ взводъ большевиковъ. Кромѣ этого принимали участіе при взятіи города Большого Токмака.

Въ бою подъ Вернерсдорфомъ, на рѣчкѣ Токмачкѣ, авторъ настоящей статьи былъ раненъ и ушелъ изъ строя разъ навсегда, потому что вскорѣ былъ назначенъ въ распоряженіе генералъ-кватирмейстера при главнокомандующемъ въ помощь Г. С Мальцу. Дальнѣйшая судьба Карпаторусской роты въ точности мнѣ неизвѣстна. Знаю только, что она продолжала сражаться и принимала участіе при разгромѣ огромныхъ силъ Жлобы корпусомъ ген. Кутепова. Затѣмъ она перешла было на Днѣпръ на Каховскую переправу, оказавшейся ловушкой и гибелю Врангелевскаго наступленія. Когда войска ген. Врангеля уже взяли городъ Александровскъ и станцію Синельниково, то Каховская переправа, почти у самаго Перекопа, была въ большевикскихъ рукахъ. Слѣдовательно тылъ арміи былъ постоянно загроженъ и наконецъ, когда большевики, заключивъ перемиріе съ Поляками, стянули всѣ свои силы, тогда отрѣзали

ген. Кутепова отъ Крыма именно отъ Каховки. Можно себѣ представить напряженіе большевиковъ съ одной стороны, чтобы уничтожить противника, и стремленіе ген. Кутепова съ другой чтобы пробиться въ Крымъ.

Войска ген. Кутепова, быть можетъ, были бы погибли, если бы не пришли имъ на выручку крестьяне. Они помогли также ген. Врангелю вывести съ честью полки изъ Крыма на далекую чужбину.

Въ бояхъ при ген. Врангелѣ Карпаторусская рота оставила на степяхъ Малороссіи нѣсколько офицеровъ и солдатъ. Подъ Кизіаркою у Мелитополя былъ убитъ подпоручикъ Галиковскій, подъ Каховкой погибли поручики Сойка, Процыкъ, Кмицикевичъ, Бокало. Почти каждый офицеръ былъ раненъ: Гнатикъ, Бачинскій, Бродскій, Яблонскій, Долгій, Пелехъ, Стефчакъ, Ющакъ, Брояковскій. Богоносъ. Поручикъ Сьокало былъ взятъ въ плѣнъ во время налета большевиковъ на село Чаплинку и спасся такимъ образомъ, что прятался у одного крестьянина въ сѣнѣ, пока опять не явились войска Кутепова. Штабсъ-капитанъ Моцко, оставшійся въ Крыму, былъ зарубленъ большевиками въ Симферополѣ. Неизвѣстно, что случилось съ оставшимися у большевиковъ Гаевишинымъ и Гнѣздуромъ.

Вотъ таковъ краткій очеркъ военныхъ дѣйствій Карпатороссовъ въ составѣ Добровольческой арміи, сражавшейся за лучшее будущее русскаго народа, а тѣмъ самымъ и за нашу тѣснѣйшую Родину — Карпатскую Русь.

Нѣсколько словъ въ заключеніе.

Работа галицко-русскихъ студентовъ и гимназистовъ не ограничивалась однѣми военными дѣйствіями. Послѣ прекратившейся — вслѣдствіе революціи — дѣятельности „Совѣта Прикарпатской Руси“ въ Ростовѣ н/Д., галицко-русскій Отрядъ защищалъ дѣла Карпатской Руси посредствомъ своего представителя, какимъ былъ Г. С. Малецъ.

Очень жаль что у меня нѣтъ протоколовъ Комитета по организаціи Карпаторусскаго Отряда; изъ нихъ можно бы убѣдиться, какъ неусыпно и съ какимъ самопожертвованіемъ работалъ Григорій Семеновичъ Малецъ. Не имѣя абсолютно никакихъ средствъ, онъ три года бился съ трудностьями въ штабѣ и въ разныхъ вѣдомствахъ, чтобы проводить успѣшно Организацію. Цѣлыми днями ему приходилось выстаивать по разнымъ вѣдомствамъ и канцеляріямъ. Записки, меморандумы, карты, широкое устное ознакомленіе дѣлались имъ съ большой аккуратностью и прилежностью. Кромѣ всего этого онъ все время, когда былъ въ отрядѣ, бралъ оружіе и шелъ въ мѣстѣ съ другими въ бой.

Добровольцы Карпаторусскаго Отряда шли къ генералу Корнилову, Деникину, Врангелю и отдавали свою жизнь не по личнымъ соображеніямъ а во имя той идеи, которая столько проповѣдывалась и лелѣялась среди галицко-русскаго народа и за которую столько лучшихъ сыновъ нашей тѣснѣйшей Родины томилось и страдало по тюрьмамъ и Талергофамъ. Вѣдь лучше было бы сидѣть имъ въ городѣ, чѣмъ погибать отъ ранъ, дѣлать походы, переправы, дозоры, строить ночами мосты и дороги, выносить холодъ, дождь, грязь, воду, морозъ, снѣгъ, невыспанныя ночи, насѣкомыя и всѣ тяжести войны.

На знамени Отряда было написано: Освобожденіе Родины и единство русскаго народа. Онъ боролся за величіе русскаго народа, за тысячелѣтнюю его исторію, вѣру и культуру. Каждый доброволецъ-галичанинъ старался не запятнать грязью своего имени, каждый былъ преданъ чести, долгу, былъ въ самомъ дѣлѣ рыцаремъ въ бояхъ, а въ тылу защитникомъ русскаго имени, достоинства и порядка. Каждый несъ отъ Кавказа по Днѣпръ разсказы о своей несчастной Родинѣ. Поэтому нравственною объязанностью каждаго русскаго галичанина должна быть память о погибшихъ на поляхъ сраженій.

Для нѣкотораго изображенія того, чѣмъ были и что представляли изъ себя Карпаторусскіе Добровольцы пусть послужитъ нижеслѣдующее письмо Начальника Арбатскаго Отряда отъ 8-го мая 1920 года, за № 682, урочище Счастливцево, ген.-маіора Гравинскаго, данное на имя командира Карпаторусскаго баталіона, В. Г. Гнатика:

„Ввѣренный Вамъ баталіонъ, будучи влитъ въ Сводно-Стрѣлковый полкъ, раздѣлилъ съ нимъ всю тяжесть обороны Генической позиціи, являя собою примѣръ доблести, мужества и стойкости. Внутренняя спайка между офицерами и стрѣлками, дисциплина, безукоризненно-добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, подтянутость, — вотъ что сразу обратило мое вниманіе и заставило меня сохранить баталіонъ отдѣльнымъ, не нарушая сложившагося въ немъ внутренняго порядка.

Правильное пониманіе баталіономъ національнаго единства и общности съ нашей Родиной, неразъ съ гордостью высказываемыя Вашими чинами слова, что „мы такіе-же русскіе, какъ и вы“, что „у насъ одна Родина Россія“, доставляли глубокое нравственное удовлетвореніе и вселяли вѣру, что въ борьбѣ за справедливость и Славянскую культуру шовинизмъ родныхъ сыновъ одной матери изчезнетъ и Россія найдетъ своихъ потярянныхъ когда-то, но дорогихъ ей дѣтей.

Мое горячее „Спасибо“ за доблестную, безукоризненную службу Карпаторусскому баталіону“.

Въ послѣдствіи съ Карпаторусскимъ Отрядомъ и его идеологіей познакомились болѣе широкіе круги; въ него, кромѣ галичанъ, угророссовъ и буковинцевъ, охотно поступали уроженцы Россіи какъ Юга и Сѣвера такъ и Бѣлороссіи, между ними студенты Московскаго университета: Яковлевъ, Б. Ивановъ, Зворыкинъ, С. Альтштадтъ, приватъ доцентъ А. Муселіусъ, поручикъ І. Бродскій, крестьяне Извощиковъ, Калмыковъ и др.

Осенью 1919 года прибыло въ отрядъ около десятка галичанъ изъ военноплѣнныхъ въ Италіи, которымъ удалось исключительнымъ образомъ освободиться изъ плѣна. Предпринимавшіяся отрядомъ усилія, чтобы среди многочисленныхъ плѣнныхъ Карпатороссовъ въ Италіи произвести широкую вербовку добровольцевъ не имѣли успѣха вслѣдствіе разныхъ постороннихъ причинъ и соображеній.

Въ концѣ 1919 года прибылъ изъ Чехо-Словакіи въ Одессу а затѣмъ въ Крымъ „Русскій добровольческій отрядъ“, въ составѣ котораго находилось около 20 офицеровъ и 70 рядовыхъ добровольцевъ галичанъ и угроросcовъ. Отрядъ этотъ дѣйствовалъ отдѣльно и самостоятельно отъ Карпаторусскаго отряда. Карпатороссы поступали добровольцами также и въ другія части вооруженныхъ силъ Югороссіи даже въ казачія части.

Обстоятельнѣе и обширнѣе о дѣйствіяхъ Корнилова написалъ Борисъ Суворинъ: „Ледяной походъ“. Очень цѣннымъ историческимъ матеріаломъ является книга генерала Деникина: „Очерки русской смуты“. Объ организаціи Карпаторусскихъ отрядовъ въ Сибири написалъ очеркъ В. А. Саврукъ: „Карпаторуссы въ Сибири“, появившійся 1922 г. въ Календарѣ Американской газеты „Правда“. Тамъ-же помѣстилъ нѣсколько статей о Карпаторусскомъ ортрядѣ въ Италіи С. С. Пыжъ Отсутствуютъ цѣликомъ данныя о Карпаторусской ротѣ въ Чехіи и свѣдѣнія о тѣхъ, которые принимали участіе въ бояхъ въ украинской арміи.

Карпаторусскiе богатыри.

Ген. Павелъ Кузьмичъ
ВИЦЕНТЬЕВЪ,
ком. Слав. стр. полка, умеръ
отъ тифа.

Капитанъ Г. С. МАЛЕЦЪ,
организаторъ
Карпаторусскаго отряда.

Поручикъ В. Ю. СОЙКА,
убитъ въ бою подъ
К[illegible]ою.

Подпоручикъ
О. В. ГАЛИКОВСКIЙ,
преподаватель гимназiи.
Убитъ въ бою подъ
Кизiаркою.

Карпаторусскіе богатыри.

Полковой священникъ о. Лука
ОЛЬХОВЫЙ,
(уроженецъ Прикарпат. Руси).

Поручикъ
Ю. И. СЬОКАЛО,
докторъ правъ.

Подпоручикъ
В. В. ОХНИЧЪ,
раненъ въ бою на Кубани.

Подпоручикъ
В. М. КОЛОДѢЙ,
раненъ два раза.

Карпаторусскіе богатыри.

Капитанъ В. Р. ВАВРИКЪ,
раненъ два раза.

Подпоручикъ
В. И. ВОЛИЦКІЙ.

Подпоручикъ
М. М. БАЧИНСКІЙ,
раненъ два раза.

Подпоручикъ
И. С. МАЦЕЛЮКЪ,
раненъ два раза.

Карпаторусскіе богатыри.

Подпоручикъ
О. И. УРБАНЪ.

Поручикъ
I. А. БРОДСКІЙ
раненъ два раза.

Подпоручикъ
Б. Н. ЯЦЕВЪ,
ротный командиръ. Раненъ
у стан. Филипповской.

Вольноопредѣляющійся
В. В. ТРУШЪ.

Карпаторусскіе богатыри.

Подпоручикъ
Д. ЯБЛОНСКІЙ,
раненъ въ бою подъ
Каховкою.

Поручикъ Л. Е. ПЕЛЕХЪ,
начальникъ пулеметной команды. Раненъ въ бою подъ
Каховкою.

Подпоручикъ
Н. Д. УБОГІЙ,
раненъ въ бою подъ
Каховкою.

Подпоручикъ
Д. О. СЕМАНЮКЪ,
раненъ въ бою подъ Бѣлою
Глиною.

Карпаторусскіе богатыри.

Подпоручикъ
А. В. ГУКЕВИЧЪ.

Подпоручикъ
П. ГНѢЗДУРЪ,
раненъ подъ Каховкою

Подпоручикъ
В. Д. КОВЕРДАНЪ,
раненъ на Кубани.

Подпоручикъ
С. Я. ХУДОБА.

Карпаторусские богатыри.

Шт.-капитан
В. Г. ГНАТИКЪ,
команд. Карпаторус. батал.
Раненъ два раза.

Подпоручикъ
Г. Ѳ. СТЕФЧАКЪ,
раненъ подъ Каховкой.

Подпоручикъ И. С. ХОТИНЕЦКІЙ
и прапорщикъ Ю. А. ДУРКОТЪ.

Подпоручики В. ИВАНОВЪ
и ЗВОРЫКИНЪ.

Карпаторусскіе богатыри.

„Корниловцы“.

Г. Д. Якимецъ, Л. Е. Пепехъ,
В. М. Колодій, Н. И. Волончукъ,
М. Д. Ковалишинъ, Я. Г. Мацявъ, С. Я. Худоба,
В. Г. Гавтикъ, † С. Н. Химичъ, Г. С. Малецъ, В. А. Колдоа, † В. Ю. Сойка, В. В. Охничъ.

Д-ръ Юліанъ Михайловичъ Еднакій.

Судьба играетъ человѣкомъ,
Она измѣнчива всегда...
А. С. Пушкинъ.

Въ львовскихъ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что 9-го мая 1923 года скончался въ селѣ Нагуевичахъ отличающійся большими умственными дарованіями и энергіей, выдающійся молодой общественный дѣятель, д-ръ Юліанъ Михайловичъ Еднакій. Въ посмертномъ извѣстіи подчеркнуто, что продолжительная болѣзнь и смерть явились результатомъ пережитыхъ, тяжелыхъ, военныхъ испытаній

Достаточно! Уже двѣ недѣли спустя могила гдѣ-то въ Нагуевичахъ заросла майскою травою; осенью она высохла, могила развалилась — и словно человѣка вовсе не было. Люди поговорили, покивали головами и разошлись по своимъ домамъ, по своимъ путямъ.

Въ исторіи борьбы Прикарпатья за его свободу, быть можетъ, и не будетъ отмѣчено то, что у Кичкаскаго моста надъ Днѣпромъ были разбиты части галичанъ. Она пройдетъ, молча, мимо этого событія и имена павшихъ въ бою не будутъ переданы памяти потомства. О томъ, что Юліанъ Еднакій былъ взятъ махновцами въ плѣнъ и съ большимъ трудомъ бѣжалъ изъ него, не будетъ вовсе упомянуто. Между тѣмъ одинъ Юліанъ Еднакій можетъ заполнить цѣлую страницу весьма цѣннымъ историческимъ матеріаломъ.

Въ дни великой войны онъ отличался не ремесломъ-промысломъ, а жаждою жертвеннаго дѣла. Выговаривая завѣтное слово: „Родина", онъ загорался почти дѣвичьимъ, восторженнымъ взглядомъ очей. Порывистое, неудержимое влеченіе въ борьбу за нее рвалось изъ каждаго высказаннаго имъ положенія. Все это въ настоящее время грубаго матеріялизма не имѣетъ значенія. Нынѣ какой-нибудь Махно или крикливый,

заносчивый, хвастливый, прибѣгающій къ хитростямъ и уловкамъ демагогъ обращаетъ на себя вниманіе; тихій труженникъ пропадаетъ безслѣдно въ шумѣ кривотолковъ и цинизма.

Современный машина-человѣкъ улыбнется лишь съ недовѣріемъ, когда ему разскажутъ, что Юліанъ Михайловичъ, любя русскій народъ, шелъ съ открытой грудью на „недоступную крѣпость“, которой былъ каждый махновецъ, обвѣшанный наганами, шашками и пулеметными лентами. Тотъ-же аппаратъ-человѣкъ сочтетъ глупостью и вычурной сентиментальностью, когда услышитъ, что Еднакій, прошедшій нѣсколько разъ мимо смерти, докторъ правъ и взрослый мужчина искалъ въ Карпатахъ чего-то возвышеннаго, благороднаго и уносящаго въ высь. Какъ бы къ этому не относились люди съ каменными сердцами, за Еднакимъ остается великій идеалъ добра и красоты. На вытоптанной однако тропинкѣ онъ встрѣчалъ, мѣсто ангела, таинственную кикимору, выглядывающую изъ-за сирени, изъ-за винограда и мамоны. Запала думушка въ сердце и безсонныя ночи въ темной, сырой, монастырской комнатѣ обезсилили мужественнаго Еднакого. Пропала жизнерадость, онъ поблѣднѣлъ, пожелтѣлъ, изсохъ и затѣмъ, переправившись черезъ Карпаты, умеръ въ Нагуевичахъ.

*

* *

Юліанъ Михайловичъ Еднакій сошелъ въ могилу въ разцвѣтѣ своей жизни. Ему было не выше 30-ти лѣтъ. Будучи еще студентомъ онъ началъ играть въ галицко-русской жизни выдающуюся роль. Въ Вѣнѣ онъ состоялъ председателемъ студенческаго кружка „Буковина“. Развалъ Австріи засталъ его въ арміи въ Загребѣ. Одолѣвъ тяжести путешествія, онъ пріѣхалъ въ 1918 году въ Новороссійскъ, гдѣ поступилъ добровольцемъ въ кубанскій пластунскій полкъ. Перешедши въ Карпаторусскій отрядъ, Еднакій съ присущимъ ему рвеніемъ принялся за организаціонную роботу. При Александровскѣ отрядъ былъ разбитъ повстанческими отрядами Махно. Еднакій былъ взятъ въ плѣнъ. Воспользовавшись темнотою ночи, онъ бѣжалъ отъ махновцевъ въ подсолнухи, гдѣ пролежалъ полныя сутки и затѣмъ окольнымъ путемъ добрался до Харцыска. Казалось бы, что послѣ такого событія Еднакій уйдетъ изъ арміи. Такъ однако не сталось. Онъ не принялъ мѣста при командирѣ полка, отказался уѣхать въ ставку и вновь принялся собирать полкъ. Когда только нужно было изготовить планъ по изъятію галичанъ изъ петлюровской арміи, Еднакій отправился въ Одессу, которая въ скоромъ времени была отрѣзана отъ Крыма. Съ новыми надеждами и съ неугасающимъ рвеніемъ къ дѣлу онъ переѣхалъ въ Карпатскую Русь. Въ Ужгородѣ не замѣчали на немъ слѣдовъ военныхъ лишеній. Онъ работалъ въ „Ка-

сино“, „Боянѣ“, „Соколѣ“, „Самопомощи“, „Русской Землѣ“ и „Карпатской Руси“, которой былъ вдохновителемъ и учредителемъ. Всегда и вездѣ онъ былъ жизнерадостенъ, здоровъ и неутомимъ.

*
* *

Вдругъ Юліанъ Михайловичъ заболѣлъ. Причина его смерти остается тайной, однако ея начало не въ военныхъ лишеніяхъ, а въ Ужгородѣ. Тайну глубокаго и трогательнаго содержанія онъ унесъ въ могилу, на которой, подобно Пушкинской Татьянѣ на могилѣ убитаго другомъ Ленскаго, печальная Русь уронитъ тяжелую слезу. *В. Р. Ваврикъ.*

Александръ Осиповичъ Пелехъ.

Въ очеркѣ В. Р. Ваврика „Карпатороссы въ Корниловскомъ походѣ и Добровольческой арміи“, на одной изъ страницъ сказано: „Въ бояхъ у Малой и Большой Джалги, Пелагіяды, станицъ Барсуковской и Невиномысской положили свои головы прапорщикъ Александръ Пелехъ, очень дѣятельный студентъ и...“ такіе-то а такіе салдаты. Очень просто, кратко и ясно. Положили головы „за Русь, святую Русь“. Кажется этимъ сказано все и добавлять ничего. Впрочемъ, развѣ можно въ краткомъ очеркѣ представить все то, что пришлось поодинокому Корниловцу и Добровольцу перенести до рокового дня?

Между тѣмъ крикъ боли такъ и вырывается изъ груди, что многое-многое не досказано, не высказано, особенно при вспоминѣ той потери, какую понесла галицкая Русь съ преждевременной смертью Александра Осиповича. Это можетъ понять даже мало-мальски знавшій юнаго карпаторусскаго богатыря. Видомъ какъ будто невзрачный, но зато какая свѣтлая душа, какой талантъ, какая энергія, сила воли и красота духа! Достаточно сказать, что кончилъ онъ гимназію съ золотой медалью, прекрасно пѣлъ и игралъ на роялѣ и куда только ни появився, повсюду разсѣивалъ грусть, печаль, унынíе, а натомѣсть вно-

силъ своей жизнерадостностью веселіе, бодрость и радость. Вслѣдствіе этого былъ всѣми любимъ и цѣнимъ.

Александръ Осиповичъ ставилъ превыше всего любовь ко всему, что ни есть русское. Во имя этой любви къ Руси оставилъ отца и мать родную, сестру и брата, а быть можетъ еще одно бьющее и любящее его сердце, и поступилъ туда, куда звалъ его долгъ предъ Родиной. Когда надвинулись на Русь свирѣпыя, мутныя волны ея враговъ, Александръ Осиповичъ первымъ поспѣшилъ съ горсточкой Карпатороссовъ защищать русскую землю отъ нашествія разнузданнаго большевизма и поступилъ въ грозные ряды Корниловскихъ богатырей, съ которыми раздѣлилъ всѣ тяжести „Ледяного похода" и радости первыхъ успѣховъ Добровольческой арміи.

Смѣло можно сказать, что Александръ Осиповичъ являлся не только бойцомъ но и Орфеемъ Карпаторусскаго отряда. Своей игрой и пѣсней поддерживалъ онъ бодрость и духъ въ арміи. Бывало на привалахъ и стоянкахъ, гдѣ нашелся рояль или пьянино, Александръ Осиповичъ такъ и исцѣлялъ игрой и пѣніемъ душевныя раны соратниковъ. Помниться, какъ въ Романовскомъ хуторѣ далъ онъ игрой на роялѣ въ сопровожденіи скрипки, заливавшейся въ артистическихъ рукахъ И. И. Киричинскаго, настоящій концертъ, къ которому прислушивались за окномъ полны мѣстнаго населенія.

Во время отступленія Корниловцевъ отъ Екатеринодара, когда уныніе достигло высочайшихъ предѣловъ, Александръ Осиповичъ и тогда съумѣлъ влить духа бодрости въ соратниковъ. Идутъ они бывало понуривъ головы еле передвигая ногами, а Александръ Осиповичъ выйдетъ бывало впередъ и затянетъ пѣсню:

„Засвисталы козаченьки
Въ похидъ съ полуночи..."

или:

„Розвивайся ой ты, старый дубе,
Скоро весна будэ.
Выбирайся молодый козаче,
Завтра похидъ будэ."

Выбѣгаютъ козачки и восклицаютъ: „Це наши!" А козаки бросая орлиный взглядъ подтягиваютъ кушаки, какъ будто провѣряя, крѣпко ли держится на нихъ вѣрный другъ-кинжалъ или шапка-подруга. И кто знаетъ, не сдѣлала ли пѣсня Карпатороссовъ больше, чѣмъ всѣ возванія Добровольцевъ къ козакамъ?

Когда-же путь Добровольцамъ заграждали большевики, Александръ Осиповичъ выступалъ однимъ изъ первыхъ противъ нихъ съ винтовкой и пѣсней:

„Мы смѣло въ бой пойдемъ
за Русь святую“...

Что это не были пустыя слова, пусть доказательствомъ послужитъ одинъ изъ многихъ случаевъ, который всего болѣе врѣзался въ память, потому что произошелъ въ самомъ началѣ Корниловскаго похода:

Въ Ростовѣ н/Д., когда Корниловцы, оставивъ въ февралѣ 1918 г., городъ находились на противположномъ берегу Дона, рынулись большевики, чтобы разбить, уничтожить отступающихъ. Командиръ чехо-словацкаго полка, къ которому были придѣлены галичане, капитанъ Нѣмечекъ, видя это, обратился къ себѣ подчиненнымъ съ вопросомъ, кто желаетъ доброохотно охранять и защищать мостъ отъ насѣдающихъ большевиковъ. Никто не откликнулся. Нѣмечекъ повторилъ свой вопросъ. Тишина. Изъ чеховъ никто не вызвался. Положеніе становилось тягостнымъ и неловкимъ. Тогда выступаетъ какой-то студентъ въ очкахъ и говоритъ: „Я“. — То былъ Александръ Осиповичъ Пелехъ. За нимъ пошли и другіе и такимъ образомъ навалѣ большевиковъ былъ данъ отпоръ.

Право, поневолѣ насувается мысль: Были у Римлянъ Коклесы, были и у насъ не хуже ихъ!

А можетъ быть одного случая не достаточно? Такъ пусть же знаютъ читатели, что первымъ изъ Корниловцевъ, кто былъ раненъ и пролилъ „кровь молодую“, это былъ тоже Александръ Осиповичъ Пелехъ. Послѣ раненія Александръ Осиповичъ, какъ медикъ, былъ назначенъ фельшеромъ, такъ что могъ не участвовать въ опасныхъ бояхъ, но это дѣло ему не понравилось и онъ въ скоромъ времени опять поступилъ въ первые ряды бойцовъ. Да! — „были люди въ наше время!“

Александръ Осиповичъ совершилъ Корниловскій походъ и первые подвиги Добровольческой арміи. Рожденъ въ 1896 г. въ Сулимовѣ, Жолковскаго уѣзда, въ Галичинѣ, въ священнической семьи; убитъ на Кубани 12. X. 1918 года, въ бою подъ Большая Джалга. Тлѣнныя останки его перенесены и погребены съ большой честью въ Ростовѣ на Дону. — *ДИК.*